2 шт
с

СБОРНИКЪ

НОВЫХЪ ПѢСЕНЪ

И

СТИХОВЪ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ БОРИСОВА.

1873.

2 экз
С

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 14-го дня 1873 года.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
226050

НОЧЬ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

Дорога многолюдная,
Что позже—безобразнѣе:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущіе,
Лежащіе пластомъ.
Безъ ругани, какъ водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная
Слышнѣй всего она!
У кабаковъ смятеніе:
Подводы перепутались,
Испуганныя лошади
Безъ сѣдаковъ бѣгутъ;
Тутъ плачутъ дѣти малыя,
Тоскуютъ жены матери:
Легко-ли изъ питейнаго
Дозваться мужиковъ?

У столбика дорожнаго
Бесѣдуетъ съ крестьянами
Какой-то баринъ съ книжкою.
Похвалитъ баринъ пѣсенку—
Пять разъ споютъ, записывай!
Понравится пословица—
Пословицу пиши!
Позаписавъ достаточно,
Сказалъ имъ баринъ дружески:
„Умны крестьяне русскіе,
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одурѣнія,
Во рвы, въ канавы валятся--
Обидно поглядѣть!„

Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину.
И баринъ что-то въ книжечку
Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькой
Мужикъ,—онъ противъ барина
На животѣ лежалъ;
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ,—да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину—
Хвать карандашъ изъ рукъ!

„Постой башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!

Чему ты позавидовалъ!
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ;
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ;
У насъ на семью пьющую
Не пьющая семья!
Не пьютъ а также маются,
Ужь лучше-бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда.
И не глядѣлъ-бы!... Видывалъ
Въ страду деревни русскія,
Въ питейномъ что-ль народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя.
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,

А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы—вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ—съѣлъ горошину.
„Сладка ѣда крестьянская,
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди стоятъ три дольщика
Царь, попъ и господинъ.
„Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому,
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая не приди
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ,
Такъ неужели-жъ за чаркою

Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,
Такъ погляди поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое
Скосивши волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочамъ по зажоринамъ
Ползкомъ ползетъ съ плетюхами
Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь.—
Небось мы тутъ красивѣе?
Жалѣть-жалѣй умѣючи,
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!..

У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка,
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!„
Мужикъ стоялъ на валинкѣ,
Притопывалъ лаптишками
И помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу;
„Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми, вольнѣй шуми!..
—Какъ звать тебя, старинушка?
„А что? запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши; Въ деревнѣ Босовѣ
Акимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ
До полусмерти пьетъ!..

ДУМА ТКАЧА.

Мучитъ, терзаетъ головушку бѣдную
Грохотъ машинныхъ колесъ
Свѣтъ застилается въ оченькахъ крупными
Каплями пота и слезъ.
„Ахъ да зачѣмъ-же, зачѣмъ-же вы льетеся,
„Горькія слезы изъ глазъ!
„Дѣлу—помѣха; основа попортится!
„Быть мнѣ въ отвѣтѣ за васъ!
„Нитка порвалась въ основѣ, канальская,
„Эка, канальская снасть!
„Ну, жизнь безталанная! сколько-то на душу
„Примешь мученіевъ—страсть!
„Кашель проклятый измаялъ всю грудь мою,
„Тоже болятъ и бока;
„Спинушка, ноженьки ноютъ, сердечныя,
„Стой цѣлый день у станка!
„Шибко измаялся нынче,—присѣлъ-бы я,
„Кабы надсмотрщикъ ушолъ.
„Эхъ, разболѣлися бѣдныя ноженьки,
„Словно верстъ сорокъ прошелъ!..
Взоромъ туманнымъ обводитъ онъ ткацкую,
Нѣтъ-ли надсмотрщика тутъ!
—Сѣлъ-бы—торчитъ окаянный надсмотрщикъ—

Вмигъ оштрафуетъ вѣдь плутъ!
Грохотъ машинъ, духота нестерпимая,
Въ воздухѣ клочья хлопка,—
Масломъ прогорклымъ воняетъ удушливо:
Да, жизнь ткача не легка!
Сталъ онъ бѣднята, понуривши голову,
Тупо глядѣть на станокъ.
Мечется—рѣжетъ глаза наболѣвшіе,
Бѣшеный точно челнокъ.
„Какъ незавидовать главному мастеру,
„Вишь, на окошкѣ сидитъ!
„Чай попиваетъ, да гладитъ бородушку,
„Видно душа не болитъ.
„Ласковъ на видъ, а взгляни-ка ты вечеромъ;
„Станешь работу сдавать,
„Онъ и работу бранитъ и ругается,
„Все наровитъ браковать.
„Такъ вѣдь и правитъ, чтобъ меньше досталося
„Нашему брату, ткачу.
„Эхъ, главный мастеръ, хозяинъ, надсмотрщики
„Жить вѣдь я тоже хочу!
„Хворъ становлюся; да что станешь дѣлать-то,
„Намъ безъ работы не жить—
„Дома жена, старики, да ребятушки,
„Подати надо платить.
„Какъ-то жена нынче съ домомъ справляется

„Что намъ землица-то даетъ?
„Мало землицы—плоха она, матушка,
„Сущая, право, напасть.
„Какъ сберегу, заработавши денежки,
„Стану домой посылать...
„Сколько за мѣсяцъ-то нынче придется мнѣ
„Денегъ штрафныхъ отдавать?
„Эхъ, кабы меньше...О Господи, Господи!
„Нашъ Ты всевышній творецъ.
Долго-ли будетъ житье горемычное.
Скоро-ль мученью конецъ?!

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ „ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.“

Какъ строилась николаевская желѣзная дорога?

Русскіе бары и царь часто ѣздили по чужимъ землямъ, и имъ очень нравились чугунныя дороги, по которымъ можно скоро ѣздить.

Задумали царь и баре построить у себя—въ Россіи такую дорогу.

„Построимъ эту дорогу изъ такого мѣста, гдѣ хлѣба много родится; и при случаѣ голода, такъ

можно будетъ скоро подвозы сдѣлать.“ — Такъ сказали умные и честные люди.

„Нѣтъ, лучше проведемъ дорогу отъ Москвы до Питера“ — сказалъ царь. „Мнѣ нужно, чтобы скорѣй въ Москву ѣздить, а народъ — не велика птица — подождетъ.

„И въ самомъ дѣлѣ такъ“ — сказали царскіе приспѣшники. — Чудесно: захотѣлось въ Москву — сѣлъ нынчѣ, а завтра тамъ. Нѣтъ, надо въ Москву строить чугунку. — И рѣшили строить дорогу для своей забавы.

Гдѣ взять денегъ на дорогу?

Заняли — царь съ барами — за жидовскіе проценты, а съ народа велѣли выбивать безъ милосердія недоимки; ставили къ нимъ солдатъ, наслали экзекуціи, — и на крестьянское разореніе — добыли они денегъ на чугунку.

Отдали они главный надзоръ за постройкой дороги графу Клейнмихелю. — А отдали ему постройку потому, что на ней можно было нажиться здорово, а царю хотѣлось задобрить графа — этотъ графъ ему любовницъ доставлялъ завсегда.

Какъ добыли рабочихъ на эту дорогу?

Тогда крестьяне были за помѣщиками — вотъ подрядчики и инженеры всякіе и заключали съ ними контракты; въ контрактахъ писали, что по-

мѣщикъ за столько-то денегъ обязанъ представить столько-то рабочихъ, на такой-то срокъ. Въ случаѣ смерти ихъ помѣщикъ обязанъ замѣнить ихъ другими;—впередъ знали, что гонятъ людей на убой!

Съ Волги, съ Оки, отъ всѣхъ мѣстъ земли русской гнали народъ къ тому мѣсту, гдѣ должна была строиться чугунка.—Бросалъ народъ семью, домъ и хозяйство и шелъ мерзнуть въ тверскихъ да новгородскихъ болотахъ, жить въ сырыхъ землянкахъ, работать и умирать подъ плетьми надзирателей.

Не выдерживали другой разъ рабочіе и бѣгали съ работъ въ лѣса. Тогда наряжали на нихъ команды, и ловили рабочихъ облавами,—какъ дикихъ звѣрей. Кого пристрѣливали, кого душили въ тюрмахъ, кого забивали плетьми по царскому повѣленію.—На костяхъ этихъ людей и построена николаевская желѣзная дорога.—

Въ стихахъ этихъ и разсказывается, что ѣдетъ какой-то баринъ зимней порой и разсказываетъ про все про это маленькому мальчику—барченку, чтобы тотъ зналъ на чьи деньги, на чью плоть и кровь построена эта желѣзная дорога и всякія другія затѣи.—При этомъ имъ чудится, что встали замученные мертвецы, бѣгутъ съ ними за

поѣздомъ, осматривая свою работу, поютъ пѣсню; поютъ они про свою муку, про то—какъ они среди болотъ и лѣсовъ построили на диво всѣмъ людямъ на своихъ костяхъ чугуную дорогу. Они говорятъ, что мы должны помнить ихъ.

Мы припомнимъ ихъ всѣхъ, когда придется сводить счеты съ царями и боярами.

Какъ строились новыя дороги? —Легче ли онѣ достались народу?—Для его ли пользы проводили ихъ? —А вотъ увидимъ!

Разные пройдохи наѣзжаютъ въ Питеръ и начинаютъ давать взятки, поить, кормить и ублажать разныхъ важныхъ лицъ, которыя вертятся около царя и распоряжаются народными деньгами. Закормивши, задаривши кого слѣдуетъ, пройдоха заводитъ рѣчь про то, что молъ надо-бы желѣзную дорогу, что молъ это выгодно для нашего царства. Только, говоритъ, въ этомъ дѣлѣ безъ помощи царской казны нельзя, —намъ простымъ людямъ не подъ силу. Если дадутъ пособія, да потомъ станутъ изъ казны платить каждый годъ проценты на тотъ капиталъ, что я затрачу на дорогу, такъ я, пожалуй, не прочь.

Задаренные, запоенные, закормленные обиралы —министры и дармоѣды—сенаторы рады стараться! —Отчего не порадѣть своему поителю и

кормителю.—И радѣютъ! Здорово радѣютъ!

Всѣ почти чугунныя дороги у насъ построены на казенныя пособія. А строители только и потратились на кормленіе, да на взятки своимъ доброхотамъ. А процентики получаютъ, за здорово живешь, Богъ вѣсть за что. Жнутъ гдѣ не сѣяли!

Какъ же выбираютъ, куда строить дорогу?

Можетъ спросту-то, кто и скажетъ, что сами строители выбираютъ тотъ путь, гдѣ товаровъ больше ходитъ; стало быть тотъ, который для народа выгоднѣе.—Какъ бы не такъ!

Выгоды то строитель получаетъ не отъ дороги желѣзной, не отъ товаровъ, которые провозятъ по ней. Дорога тутъ только придирка одна! Выгода получается ему оттого, что онъ на казенныя деньги дорогу построилъ, да получаетъ еще съ казны проценты на тѣже деньги, которыя она ему выдала. А деньги казеныя это подати наши.

По крайности рабочихъ можетъ содержатъ лучше?

Ну объ этомъ, кажется и говорить нечего. Чуть ни каждый день слышатся вѣсти, какъ прогоняютъ рабочихъ безъ расчета, да какъ они перемираютъ какъ мухи.

Гдѣ ни посмотри—свобода только на словахъ.

Гдѣ ни посмотри—все тотже грабежъ...

РАЗГОВОРЪ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Ваня.—Папаша! Кто строилъ эту дорогу?
Папаша-Генералъ.—Инженеры, душенька!

Добрый папаша! Къ чему-же напрасно
Умному Ванѣ глаза закрывать?
Вы мнѣ позвольте при лунномъ сіяніи
Правду ему показать.
Трудъ этотъ, Ваня, былъ страшно громаденъ
Не по плечу одному!
Въ мірѣ еста царь: этотъ царь безпощаденъ
Голодъ названье ему.
Онъ то согналъ сюда массы народныя.
Многіе—въ страшной борьбѣ,
Строивъ эту дорогу желѣзную
Гробъ обрѣли здѣсь себѣ.
Прямо дороженька; насыпи узкія
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокамъ-то все косточки русскія.
Сколько ихъ! Ваничка, знаешь-ли ты?
Чу! восклицанья послышались грозныя!
Топотъ и скрежетъ зубовъ;
Тѣнь набѣжала на стекла морозныя...
Что тамъ? толпа мертвецовъ!

То обгоняютъ дорогу чугунную,
То сторонами бѣгутъ.
Слышишь-ли пѣнье?..

Пѣснь мертвецовъ.

„Въ ночь эту лунную
„Любо намъ видѣть свой трудъ!
„Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
„Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ
„Мерзли и мокли, болѣли цынгой,
„Грабили насъ грамотѣи десятники,
„Сѣкло начальство, давила нужда...
„Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
„Мирныя дѣти труда!
„Братья! Вы наши плоды пожинаете!
„Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...
„Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,
„Или забыли давно?...“
Не пугайся ихъ пѣнія дикаго!
Съ Волхова, съ матушки Волги, съ Оки,
Съ разныхъ концовъ государства великаго —
Это все братья твои—мужики!

II

Видишь, стоитъ, изможденъ лихорадкою,
Высокорослый, больной бѣлоруссъ:
Губы безкровныя; веки упавшія,

Язвы на тощихъ рукахъ,
Вѣчно въ водѣ по колѣно стоявшія
Ноги опухли; колтунъ въ волосахъ;
Якою грудь, что на заступъ старательно
Изо-дня-въ-день налегала весь вѣкъ...
Ты приглядись къ нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлѣбъ добывалъ человѣкъ!
Не разогнулъ свою спину горбатую
Онъ и теперь еще: тупо молчитъ
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбитъ!
Эту привычку къ труду благородную
Намъ бы не худо съ тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да, вынесъ достаточно русскій народъ,
Вынесъ и эту дорогу желѣзную—
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ!
Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.
Жаль только—жить въ эту пору прекрасную
Ужь не придется—ни мнѣ, ни тебѣ.

Генералъ.

— Знаете, зрѣлищемъ смерти, печали
Дѣтское сердце грѣшно возмущать.

Вы бы ребенку теперь показали
Веселье и счастье крестьянъ.

Радъ показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены—нѣмецъ ужь рельсы кладетъ.
Мертвые въ землю зарыты; больные
Скрыты въ землянкахъ; рабочій народъ
Тѣсной гурьбой у конторы собрался...
Крѣпко затылки чесали они:
Каждый подрядчику долженъ остался
Стали въ копѣйку прогульные дни!
Все заносили десятники въ книжку—
Бралъ ли на баню, лежалъ ли больной:
„Можетъ и есть тутъ теперича лишку,
„Да вотъ, поди ты! ...“ Махнули рукой..
Въ синемъ кафтанѣ—почтенный лабазникъ,
Толстый, присадистый, красный какъ мѣдь,
Ѣдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
Ѣдетъ работы свои посмотрѣть.
Праздный народъ разступается чинно...
Потъ отираетъ купчина съ лица
И говоритъ, подбоченясь картино:
„Ладно... нешто... молодца!... молодца!...
Съ Богомъ, теперь по домамъ,—поздравляю!
(Шапки долой—коли я говорю!)—

Бочку рабочимъ вина выставляю
И—недоимку дарю!...
Кто то ура закричалъ. Подхватили
Громче, дружнѣе, протяжнѣе... Глядь:
Съ пѣсней десятники бочку катили...
Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!
Выпрегъ народъ лошадей— и купчину
Съ крикомъ ура!—по дорогѣ помчалъ...
Кажется, трудно отраднѣй картину
Нарисовать, генералъ?

У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

Разъ я видѣлъ къ дворцу мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди;
Показался швейцаръ. —„Допусти“, говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: не красивы на видъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обуты.
Знатъ брели то долгонько они

Изъ какихъ нибудь дальнихъ губерній.
Кто-то крикнулъ швейцару: „гони!
„Нашъ не любитъ оборванной черни!“
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли наши странники,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ..
Пробудись! Есть еще наслажденье:
Вороти ихъ! Въ тебѣ ихъ спасенье!
Но счастливые глухи къ добру..
Не страшатъ его громы небесные,
А земные онъ держитъ въ рукахъ.
Что ему эта скорбь вопіющая,
Что ему этотъ бѣдный народъ?
Безъ него проживетъ онъ со славою,
И со славой умретъ!
Впрочемъ какъ-же такую особу
Безпокоить для бѣдныхъ людей?
Не бѣда что потерпитъ мужикъ
Да къ тому же давно онъ привыкъ!

За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ. Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Взглянь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля—
Гдѣ народъ тамъ и стонъ...Эхъ сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный!

СВОБОДУШКА

На голосъ: „Лучина Лучинушка.“

Свобода, свободушка, воля вольная,
Что-же къ намъ, лебедушка, не идешь, не летишь?
Полно тебѣ вольная за моремъ гулять,
Пора тебѣ гнѣздышко на Руси свивать.
Со бездолья горькаго, со людскаго зла
Давно стонетъ русская мать сыра земля!
У насъ правды матушки видомъ не видать,
Про любовь, да братскую, слыхомъ не слыхать.
Кривда безрасудная надъ нами царитъ,
Всѣхъ рукой желѣзною давитъ и тѣснитъ.
Крестьянами вольными кривда насъ честитъ,
А сама про волюшку пикнуть не велитъ.
Ни земли, ни лѣсу кривда не даетъ,
А налоги тяжкіе шибко съ насъ деретъ.
Судьи да властители нашу кровь сосутъ,
Нашимъ страднымъ хлѣбушкомъ закусываютъ.
А самъ царь съ вельможами мужиковъ забилъ,
И народъ измученный тяжкимъ сномъ почилъ,
Только пѣсню длинную тянетъ да поетъ,
Со страды невзгодушки стонетъ да реветъ.
Стонетъ въ зиму лютую въ студеной избѣ,
Въ морозъ по дороженькѣ въ худомъ армякѣ.
Стонетъ въ лѣто жаркое въ полѣ за сохой

Вдоль по Волгѣ-матушкѣ съ длинной бичевой.
Подъ кнутомъ, подъ розгами стонетъ онъ въ судахъ
Въ горькую рекрутчину въ грязныхъ кабакахъ.
По торной дороженькѣ, что въ Сибирь ведетъ,
Подъ конвоемъ скованный стонетъ да бредетъ.
Въ тюрьмахъ каменныхъ, въ мерзлыхъ рудникахъ,
Вдали свѣта вольнаго стонетъ онъ въ цѣпяхъ.
Ой ты гой, свободушка, на нашъ стонъ и вой
Ты лети къ намъ, вольная, каленой стрѣлой.
По полямъ, по рощицамъ соловьемъ свисти,
И житье привольное намъ благовѣсти,
Рваныя лохмотья наши позашей
Мошны да кошельки казной понабей.
Голытьбу казацкую напой-накорми,
Сонъ-дрему свинцовую съ мужика сгони,
Силу-мощь духовиую ты въ него внеси
По селамъ, деревушкамъ школы разведи.
И хоть нашихъ дѣтушекъ свѣтомъ просвѣти.
По тюрьмамъ рѣшетчатымъ двери отпирай
И несчастныхъ узниковъ на свѣтъ выпускай.
Аль у тебя, волюшка, крылья связаны?
Аль пути-дороженьки къ намъ заказаны?
Съ тобой и крестьянину-рай а не житье,
Безъ тебя же, волюшка, горе да вытье.
Разойдитесь, рѣченьки, горы да моря:
Проложите волюшкѣ путь въ наши края.

ДОЛЯ.

Посвящается крестьянину Борунову.

На голосъ: Сторона-ль моя сторонка.

Эхъ, ты доля, моя доля,
Безталанно горькая!
Ты меня ли, моя доля,
До Сибири довела.
Не за пьянство, за буянство,
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился —
За крещеный міръ честной.
Съ насъ въ голодный годъ несчастный
Стали подати сбирать
И крестьянскіе пожитки—
Скотинушку продавать.
Я отъ міра съ челобитьемъ
Къ самому царю пошелъ,
Да схватили на дорогѣ...
До Питера не дошелъ.
И по царскому велѣнью,
За прошенье мужиковъ,
Его милости плательщикъ

Сподобился кандаловъ.
До стороны своей далеко...
Эхъ! а надоби узнать:
Удалось ли односельцамъ
Съ шеи подати скачать.

ПРОСЬБА.

Мужики. Государь нашъ, батюшка,
Царь Россійскій бѣлый!
Къ тебѣ прибѣгаемъ
Съ просьбою несмѣлой.
О своихъ нуждишкахъ
И о многомъ прочемъ...
Царь. — Говори короче!
Мужики. Доля наша горькая,
Да житье бѣдовое:
Хлѣба нѣтъ ни крошечьки:
Жремъ кору сосновую;
Скота много пало,
Земли больно мало,
А оброковъ много.
Царь. — Потерпи, ребята
Уповай на Бога!

Мужики. Всѣ твои чиновники,
Да начальство разное,
Намъ чинятъ стѣсненія
Больно безобразныя.
Животишки бѣдныя...
Да деньжонки мѣдные
До чиста обобраны.

Царь. — Ну, а недоимки съ васъ
Скоро будутъ собраны?

Мужики. Время нынѣ мирное,
Тишина отмѣнная,
Надо бы повинности
Облегчить военныя, —
Вѣдь солдаты лишніе —
Чистый намъ изъянъ!

Царь. — Такъ васъ и послушаюсь
Раставляй карманъ!

Мужики. Бѣлый царь, россійскому
Бѣдному народу,
Дай ты настоящую,
Съ землею, свободу.
Заживетъ крестьянство
Вольно, тихо, мирно...

Царь. — Не слишкомъ ли, братцы,
Будетъ, это, жирно?

Мужики. Если-бъ на послѣднюю

Просьбу ты склонился?
Если-бъ ты съ народомъ
Властью подѣлился —
То-то бы веселіе
Было на Руси!

Царь. — Натко-сь! выкуси!

На голосъ: Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Изъ за матушки за Волги
Со широкаго раздолья,
Поднялась толпой — народомъ
Сила русская сплошная.
Поднялась спокойнымъ строемъ,
Да какъ крикнетъ громкимъ крикомъ:
Добры молодцы идите,
Добры молодцы сбирайтесь —
Съ бѣла-моря ледяного,
Со степнаго черноморья,
По родной великой Руси,
По Украйнѣ, по казацкой,
Отстоимъ мы нашу землю,
Отстоимъ мы нашу волю,
Чтобъ земля да намъ осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томилась!.....

ДУМА КУЗНЕЦА.

(Посвящается кузнецамъ и слесарямъ села Павлова, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда.)

Тридцать лѣтъ скоро вотъ,
Да съ излишкомъ пройдетъ,
Какъ я началъ ковать,
И деньгу добывать.
Молодымъ паренькомъ
Дружбу свелъ съ молоткомъ,
И въ тяжеломъ трудѣ,
Въ неисходной бѣдѣ,
Съ нимъ дожить довелось
До сѣдыхъ до волосъ.
Только станетъ свѣтать,
Я иду работать,
И пока въ небѣ свѣтъ
Мнѣ и отдыху нѣтъ.
Такъ то всю жизнь свою
Я желѣзо кую,
Съ горя пѣсню пою,
Все про долю мою.
Уголь въ горнѣ трещитъ,
Молотъ громко гудитъ;
Моей пѣснѣ въ отвѣтъ

Онъ другую поетъ:
— „Братъ мой молотъ ковачъ!
Я-ли не былъ силачъ,
А съ тобой работать
Скоро мнѣ ужъ не стать:
Одряхлѣла рука,
Ноютъ грудь и бока,
И давнобъ намъ съ тобой
Ужъ пора на покой;—
Только отдыху знать
Намъ съ тобой не видать.
Сколько, братецъ, замковъ.
Сработали, крючковъ,
Да ножей въ тридцать лѣтъ,
Такъ и счету ужъ нѣтъ!
Бережливъ я, не мотъ,
Не беру водки въ ротъ,
А для чернаго дня—
Гроша нѣтъ у меня,
И какъ молотъ—нужда
Въ гробъ вбиваетъ меня.
Ты работай, какъ хошь,
Отъ нужды не уйдешь,
А какъ вѣкъ доживешь—
Какъ собака помрешь.
Куда-жъ деньги-то, другъ,

Уплываютъ изъ рукъ? ·
Что за лютый злодѣй.
За лихой чародѣй
Наши деньги беретъ,
Кровь мужицкую пьетъ?
—Эхъ! не лютый злодѣй,
Не лихой чародѣй,
Не разбойный народъ
Насъ клещами-то жметъ!
—Именитый купецъ,
Да царь бѣлый—отецъ,
Раззорили въ конецъ.
Вотъ рекрутскій наборъ,
Да подушный поборъ,
Да акцизы на соль,
Поперегъ насъ и вдоль
Доканали.—Потомъ,
Какъ живемъ мы съ купцами?
—Сработать да продать,
Грошъ за гривенникъ взять,
За желѣзо должать.—
Вотъ житье кузнецовъ:
Слесарей, мастеровъ.
А отъ нашихъ трудовъ
Понастроилъ торгашъ
И палатъ и дворцовъ.

Нѣтъ довольно страдать
На людей работать!
Кликну я кузнецовъ.
Пикъ, ножей накуемъ,
Пушекъ, ядеръ нальемъ,
И густою толпой,
За свой трудъ вѣковой
Мы на битву пойдемъ—
Все вверхъ дномъ повернемъ!
Гей! Богатый народъ
Скоро часъ твой пробьетъ
Ужъ зоветъ васъ на судъ
Весь ограбленный народъ!

(На голосъ: „Слався же, слався, русскій нашъ царь.“)

Слався свобода и честный нашъ трудъ!
Пусть насъ за правду въ темницу запрутъ,
Пусть насъ пытаютъ и жгутъ насъ огнемъ—
Пѣсню свободы въ тюрьмѣ мы споемъ!

Слався же, слався, родимая Русь;
Передъ царемъ и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорѣе, родимая, встань.

*
* *

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодѣю
Подставлять мы шею.

Въ страхѣ насъ квартальные держали,
Нѣмцы муштровали,
Про царей попы твердили миру
Съ пьяну или съ жиру:

„Самъ де богъ помазалъ ихъ елеемъ
Какъ же пикнуть смѣемъ,
Мы вѣдь глупы какъ овечье стадо
Стричь да брить насъ надо.„—

Вколотили въ насъ одно съ измальства,
Знай, дескать, начальство!
Ну и брали всякіе поборы!
Съ насъ денные воры.

Судъ Шемякинъ: до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидитъ тамъ въ Питерѣ, не слышитъ,
Все указы пишетъ

А указъ, какъ бисеромъ нанизанъ,
Не про насъ лишь писанъ,
Такъ и эдакъ ты его читаешь,
Все не понимаешь.

Мироѣды тѣмъ и пробавлялись ,
Надъ нами ломались;
Что тутъ дѣлать, долго-ль до напасти—
Покориться власти.

Всякій бутарь звалъ себя съ нахальствомъ
Малымъ начальствомъ,—
Знать и этихъ, праведный ты боже,
Мазалъ масломъ тоже.

БАРКА.

(На голосъ: Дубинушка.)

Ой, ребята, плохо дѣло!
Наша барка на мель сѣла—

Ой, дубинушка ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ.

Бѣлый царь нашъ—кормщикъ пьяный,
Онъ завелъ насъ на мель прямо.

Ой... и т. д.

Шли теченью мы на встрѣчу—
Понатерли лямкой плечи.

Ой... и т. д.

Жгло насъ солнцемъ полуденнымъ,
Сѣкло дождичкомъ студеннымъ.

Ой... и т. д.

Ой, сидѣла барка грузно
И вести было натужно!

Ой... и т. д.

Господа на ней сидѣли
Веселились, пѣсни пѣли.

Ой... и т. д.

Силы нашей не жалѣли,
Все скорѣй велѣли.

Ой... и т. д.

Они били насъ дубиной,
А кормили насъ мякиной.

Ой... и т. д.

Нашей баркой заправляли,
Намъ же пикнуть не давали.

Ой... и т. д.

Отъ такого управленья,
Стала барка безъ движенья.

Ой... и т. д.

Изъ за глупости дворянской
Не стоять баркѣ крестьянской.

Ой... и т. д.

Чтобъ придать ей снова ходу—
Покидаемъ баръ мы въ воду.

Ой... и т. д.

Чтобы барка шла вѣрнѣе—
Надо лоцмана въ три шеи.

Ой... и т. д.

И тогда охотно, смѣло,
Снова примемся за дѣло.

Ой... и т. д.

*
* *

(На голосъ: „Когда я былъ аркадскимъ принцемъ.“)

Когда я былъ царемъ Россійскимъ,
Владей французскихъ я любилъ;
Продавъ въ Америкѣ владѣнья,
Я имъ подарковъ накупилъ.

Любилъ охоту я до страсти
И на медвѣдя я ходилъ;
Но нализавшись, не медвѣдя,
А мужиченка подстрѣлилъ.

Когда я былъ царемъ Россійскимъ,
Съ крестьянствомъ лихо подшутилъ:
Далъ въ февралѣ я имъ свободу,
А къ маю по міру пустилъ.

Когда я былъ царемъ Россійскимъ,
Я много сдѣлалъ для крестьянъ:
И ихъ, не барамъ-живодерамъ,
Велѣлъ посредникамъ я сѣчь.

Дворянство было не довольно,
За то доволенъ былъ народъ:
Его теперь вѣдь не помѣщикъ,
А господинъ посредникъ бьетъ.

Крестьянъ жалѣлъ, и безъ причины
Я не велѣлъ ихъ разорять:
За выбиванье-жъ недоимокъ
Сталъ очень щедро награждать.

Меньшую братью—сиволапыхъ
Любилъ я больше чѣмъ дѣтей:
Для облегченья ихъ страданій,
Я имъ прибавилъ податей.

Когда я былъ царемъ Россійскимъ,
Дворянъ въ коммиссію созвалъ
И какъ то, выпивъ черезъ мѣру,
Указъ про волю подписалъ.

Надулъ народъ и въ тоже время
Велѣлъ друзьямъ его молчать;
А подлое холуевъ племя
Мнѣ принялось „ура“ кричать!

Когда я былъ царемъ Россійскимъ
Реформъ я много затѣвалъ,
И что давалъ одной рукою,
Другой тотчасъ я отнималъ.

Для блага подданныхъ любезныхъ
Я сдѣлать много былъ готовъ;
И набралъ себѣ министровъ,
Изъ палачей—да изъ поповъ.

Когда я былъ царемъ Россійскимъ,
Прусака съ шахомъ въ гости звалъ,
Весьма былъ радъ гостямъ высокимъ:
И чѣмъ ихъ подчивать не зналъ.

И не смотря на всѣ заботы,
О благѣ подданныхъ моихъ,
Я ожидалъ, что будетъ плохо,
Народъ, пожалуй, въ шею дастъ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ
Ужъ я бѣду предупредилъ:
На всякій случай кушъ изрядный
Я въ банкъ англійскій положилъ.

*
* *

На голосъ: „Ѣздилъ русскій бѣлый царь,
Православный государь,
Изъ своей страны далеко,
Лавры пожинать.“

Жилъ на свѣтѣ русскій царь,
Разнѣмецкій государь,
Онъ крестьянскому народу,
Волю обѣщалъ! (2.)

Чтобы каждый селянинъ,
Какъ теперя дворянинъ,
Отъ работы подневольной
Вѣкъ не горевалъ! (2.)

Чтобъ его ни бить, ни сѣчь,
Обдирая шкуру съ плечь,
Ни помѣщикъ, ни чиновникъ.,
Болѣе не могъ. (2.)

Чтобы онъ землей владѣлъ
И пошли ему въ надѣлъ

Тѣ поля, за что платилъ онъ
Барину оброкъ. (2.)

Обѣщалъ то царь легко;
Но уѣхать далеко
На посулѣ, какъ на стулѣ,
Видно захотѣлъ.

Думалъ: „глупъ мужикъ, все съѣстъ!“
И составилъ манифестъ,
Что ни въ толкъ взять, ни понять
Никто не съумѣлъ.

Ну чиновники читать,
Да крестьянамъ толковать:
Что та новая неволя —
Волюшка и есть.

Воля—вольная нищать,
Да подъ розгами нищать,
Да начальству грошъ послѣдній,
Со слезами несть.

Призадумался народъ,
Чуетъ, кто нибудь да вретъ.

Иль начальство надуваетъ
Или самый царь?

Это, что нибудь не такъ —
И попалися въ просакъ.
Тѣ крестьяне, что судили
О дѣлахъ своихъ.

По селамъ безъ дальныхъ словъ.
Какъ прямыхъ бунтовщиковъ,
Стала сѣчь ихъ и тиранить.
Стая становыхъ.

Ну сзывать на нихъ полки,
Да водить солдатъ въ штыки,
Чтобъ по старому порядку
Все водилось вновь.

Напроказилъ царь-отецъ!
На Руси, съ конца въ конецъ,
Изъ за царскаго обмана
Пролилася кровь.

Надо, значитъ, для крестьянъ,
Чтобъ народъ за волю самъ

Дружно—міромъ, волостями
Въ одно время всталъ.

Надо, значитъ, чтобъ солдатъ
Помогалъ ему какъ братъ,
И не слушая приказа
Въ него не стрѣлялъ..

***

ОСЛУШНАЯ ПѢСНЯ.

Часъ ослушный пробилъ для насъ,
Освободимъ себя со славой!
Злодѣи вынудили насъ
Къ расправѣ дружной и кровавой! (дважды)

Къ оружію, друзья!
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ! впередъ—насъ ждетъ земля,
Да воля за труды.

Пусть какъ единый человѣкъ
Вся Русь замученая встанетъ!
Освободимъ себя на вѣкъ!
Земли родной на всѣхъ достанетъ! (дважд.)
Къ оружію, друзья и т. д.

Довольно нѣмцамъ пировать,
Довольно тѣшиться надъ нами!
Солдатъ да земство угнетать
Съ кнутомъ, плетьми и кандалами! (дважд.)
Къ оружію, друзья! и т. д.

Насъ грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родныя нивы напоили!
Къ оружію, друзья! и т. д.

Довольно насъ терзали зря,
Довольно стригли насъ какъ стадо...
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи—не надо! (дважд.)
Къ оружію, друзья! и т. д.

Безъ полицейскихъ и дворянъ
Съ собою управимся мы сами;

Разсудимъ всѣ дѣла мірянъ,
Какъ встарь—землей, да волостями! (дважд.)
Къ оружію, друзья! и т. д.

Сходись со всѣхъ сторонъ народъ,
Всякъ кто за волю—будетъ съ нами!
Солдаты къ намъ!—Насталъ чередъ—
Свободу отстоять штыками (дважд.)
Къ оружію, друзья!

Конецъ.